

Депортация российских немцев в годы Второй мировой войны: научные дискуссии и фальсификация проблемы

Принудительное переселение народов, национальных меньшинств и этнических групп в годы Второй мировой войны имело многоаспектный характер и описывается с юридической точки зрения в разных терминах: интернирование^[1], депортация^[2], репатриация^[3]. Всего за годы войны перемещению только в Европе подверглось более 30 млн. чел. Главными инициаторами и наиболее жестокими организаторами-проводниками политики насильственного переселения были фашистская Германия и Советский Союз. Основной целью нашего внимания является оценка депортации российских немцев в работах ученых и публицистов, в сравнении с переселенческой практикой некоторых стран антигитлеровской коалиции.

По теме депортации предпринято значительное число исследований, она стала ключевой проблемой в изучении репрессивной политики против российских немцев. Непосредственно с этим вопросом связано 6 докторских: Л.П.Белковец, А.А.Германа, А.М.Гонова, П.М.Поляна, Т.Б.Смирновой, Е.Н.Чернолуцкой и 17 кандидатских диссертаций: Н.А. Абуова, В.И. Адамовского, И.В. Алферовой, Е.А., А.Н. Баловневой, Е.А. Брюхновой, Л.Ф. Гизатулиной, Д.В. Григорьева, В.Деннингхауса, Н.А. Ефремовой-Шершуковой, А. С. Иванова, Е.В. Конева, Н.В. Матвеевой, Т.В. Мухортовой, В.В. Сарновой, О.Е. Скучаевой, А.С. Хунагова, С.Ханья. Кроме того, опубликовано большое количество статей и тезисов.

В процессе исследования проблемы выработано несколько важных тезисов. Во-первых, массовые депортации 1940-х годов были просто невыносимы без предшествовавших им депортаций национальных меньшинств в 1930-е гг., узаконивших не только практику террора, направленного против определенных этнических групп, но и саму концепцию «нации-врага». Особое отношение Центра к представителям некоренных национальностей вообще и к западным национальным меньшинствам – в частности, постепенно выкристаллизовалось в рамках общей репрессивной политики уже с начала 1930-х годов.

В политике депортаций содержится противоречие с ленинской доктриной национальной политики: «советская ксенофобия» по отношению к иностранцам вызвала «профилактические» массовые высылки этнических меньшинств, представляющих титульные нации граничивших с СССР «буржуазно-фашистских» государств, невзирая на то, что подобная политика вступала в прямое противоречие с большевистской идеологией интернационализма^[4].

Во-вторых, до 1941 г. российские немцы обладали положительной этнической и гражданской идентичностью. Репрессии 1940-50-х гг. породили духовный кризис и актуализировали понятие «родина предков». Лишь малая часть этого поколения немцев осталась верна СССР^[5].

Задачи депортации определяются таким образом: политические – нейтрализация противников режима; экономические – колонизация и увеличение трудовых ресурсов; социальные – создание новой социальной базы режима; военно-политические – устранение «пятой колонны»; идеологические – идентификация индивида с государством с помощью образа врага^[6].

Последствием депортации стал переход от этнического (немецкого) самосознания к «советскому», социальному, интернациональному, активизировались процессы разрушения этнической самоидентификации. Стали реальностью разобщенность этноса с национальной элитой, разрушение семьи как главного хранителя и передатчика этнического сознания; ликвидация религиозных институтов и национально-территориального образования. Это объясняется целенаправленной ассимиляционной национальной политикой советского государства^[7].

Вопреки проводимой партией и советами государственной национальной политике возникло парадоксальное состояние: с одной стороны, граждане – строители социалистического общества – оказались репрессированными по различным причинам; с другой – они же с оружием в руках, совершали героические подвиги, выступали наряду с русскими, украинцами, белорусами и другими защитниками социалистического Отечества – Союза ССР, ставшего для них своим Отечеством в полном понимании этого слова^[8].

Существуют значительные расхождения и дискуссии в оценке политики депортации. Сторонники либерально-демократического направления единодушно отрицательно оценивают депортационную практику, наиболее радикальные из них ассоциируют ее с геноцидом против российских немцев. Российский историк В.Н.Земсков формулирует следующий тезис: «Российские немцы были подвергнуты «тотальной этнической чистке». Депортация немцев и других народов служили цели ускорения ассимиляционных процессов «за счет их ассимиляции в более крупных этнических массивах и частично за счет завуалированного геноцида и ослабления биологического потенциала»^[9].

Историк и этнограф Т.Б.Смирнова считает, что основной причиной этнического кризиса в СССР явилось угнетенное и дискриминационное положение нерусских народов, культура и идентичность которых подвергались насильственной деформации в целях реализации официальной концепции «слияния наций» и конструирования единого «советского народа». Такая политика дополнялась актами геноцида в форме массовых депортаций и репрессий, а также ликвидацией государственности^[10].

В.Г.Чеботарева убеждена, что геноцид – это не только сжигание в печах и массовые расстрелы. Это еще и искусственное создание таких жизненных условий, при которых народ обречен на ассимиляцию, на утрату исторической памяти, самобытной духовной и бытовой культуры. По ее мнению, превентивные меры по обеспечению безопасности страны в условиях фашистской агрессии были необходимы, но бездоказательное обвинение целого народа в предательстве воспринимается как вопиющая несправедливость^[11].

Э.Г.Барбашиной представляется более важным соотнести именно этнические последствия с депортацией и последующими действиями. Она пишет: «...если рассматривать российских немцев как специфическое этническое образование, то представляется методологически корректным ставить вопрос именно об этническом геноциде»^[12].

Более умеренные представители вышеуказанного направления отвергают тезисы об особой ненависти режима к советским немцам и геноциде. Так, например, А.А.Герман полагает, что особенность взаимоотношений немецкого народа и власти в СССР проявлялась в давлении международного фактора - отношений с Германией^[13].

Он подчеркивает, что практика депортации и интернирования применялась по отношению к немцам практически во всех странах, подвергшихся агрессии Германии. К факторам депортации относятся: неудачное начало войны, большие потери, быстрое продвижение немецких войск, отдельные факты «пораженческих» настроений советских немцев в тылу и сотрудничества с врагом на оккупированных территориях. Он приводит возражения против геноцида: в годы Большого террора расстреляно 3% немецкого населения. Это не геноцид. Погибло в трудармии от 35-40 до 60 тыс., по отношению к немецкому населению – от 3,2-3,7% до 5,5%. Процент военных потерь населения СССР – 7,1% . За 1940-1948 гг. произошло снижение численности населения СССР– около 10%, немецкого – примерно 10,5%. За 1948-1952 гг. численность немцев в СССР увеличилась на 105 тыс. чел., т.е. почти на 11%. Аркадий Герман определяет как актуальную и наиболее продуктивную задачу - комплексное изучение всех политических преступлений сталинского режима против своего народа. Лишь в этом комплексном исследовании можно будет вполне объективно и беспристрастно выявить роль и место преступлений режима против немецкого населения СССР^[14].

Г.Гамм полагает, что практика депортации – историческая практика для всех стран, но цивилизованнее ее проводить в форме интернирования, а не депортации. Сама по себе депортация немцев из АССР НП, как видно из документов, была запланирована и проработана во всех деталях почти цивилизованно, но практика проведения оказалась трагической не из-за особой ненависти к немцам, а по причине разных трудностей и «общей безалаберности»^[15]. А.И.Вдовин предлагает определить депортацию народов как «гуманное беззаконие»^[16].

Историки консервативного направления обосновывают совершенно иную точку зрения. Так, например, Л.П.Белковец пишет, что депортация немецкого населения из европейской части СССР на территорию Зауралья (в Сибирь и Казахскую ССР) – превентивная акция советского государства, носившая правовой характер. Депортация немцев 1941 г. не носила репрессивного характера, она проводилась на основе нормативных правовых актов, принятых, в соответствии с Конституцией СССР 1936 г., государственными органами, облеченными соответствующими полномочиями, и руководствовавшимися комплексом директивной документации, частично известной обществу. Принудительное переселение ряда народов в годы войны и последующие действия власти в отношении них «не представляли собой репрессивного механизма» и «политика СССР в отношении депортированных народов в 1940-1950-е гг. не может быть квалифицирована как преступление»^[17].

А.А.Шадт формулирует следующий тезис – исходя из принципов позитивистской юридической школы, господствовавшей в тот период и не потерявшей своих позиций и поныне, государство является источником права, и решение о депортации и спецпоселении российских немцев (в тех чрезвычайных условиях) было законным, легальным и легитимным, то есть правомерным и принятым населением, что подтверждается, в том числе, отсутствием реального сопротивления^[18].

Консервативно – прокоммунистическая точка зрения представлена в статье Д.В.Гаврилова^[19]. Он полагает что депортация (в других странах эта акция определяется как интернирование – прим. авт.) – обычная практика всех стран антигитлеровской коалиции и выдвигает несколько обосновывающих это положение тезисов. Во-первых, в чрезвычайных условиях войны признаки тоталитаризма были присущи всем странам антигитлеровской коалиции, а не только СССР. Во-вторых, депортации в целях обеспечения государственной безопасности были обычной практикой всех этих государств. В-третьих, у правительств Великобритании и США не было доказательств нелояльности депортируемых, а у советского правительства таких доказательств было «предостаточно». В-третьих, в качестве доказательства предательских намерений немцев Поволжья приводится Указ ПВС от 28.08.1941 г. В-четвертых, сегодня невозможно оправдать массовые депортации народов в годы войны с позиций прав человека, однако нужно учитывать реалии войны, в которой стоял вопрос о выживании всей страны и мира.

Последние две точки зрения не могут не вызвать возражения тех, кто полагает, что тоталитарное государство с точки зрения гуманитарных ценностей не может считаться нормальным явлением, а действия диктаторов, его возглавляющих, легитимными. Конечно, в рамках правовой системы «революционной законности», на которой основано такого рода государство, любые его репрессивные действия против собственного населения оправданы. Но не может быть оправдана сама эта система.

Идеология революционной борьбы и вытекающей отсюда логики «революционной законности» стали основой всех законодательных актов СССР. Законоположения, созданные в защиту «революционной законности», базировались на таких ключевых понятиях, как: враги народа и революции; террор; концлагеря; наказание по велению революционной совести; «презумпция виновности» каждого обвиняемого до суда; наказание покушения на деяние, как самого деяния; наказание за недонесение; достаточность признания обвиняемого для его осуждения; обратная сила принимаемых законов; уголовная ответственность за политические и идеологические убеждения.

Использование этих понятий в практике законодательной и исполнительной власти полностью нарушало выверенные мировым опытом способы регулирования взаимоотношений общества и государства.

В истории развития социалистического государства наблюдается параллельное оформление и сосуществование двух структур власти – официальной, в лице Советов на местах, Верховного Совета, Совета народных комиссаров и неофициальной – ОГПУ-НКВД, Политбюро ВКП (б) и т. п. Одновременно шло развитие и двух видов законодательства – показного, в виде Конституций, Уголовного и иных кодексов, обнародованных законов и постановлений; и фактически действующего – подзаконных указов, положений, инструкций, секретных писем и директив. Теневая структура власти и подзаконные акты оказывали преобладающее влияние на жизнь общества. Произошла политизация правовой системы государства. Уголовные кодексы 1922, 1926 гг., как основные источники законов, были основаны на нарушении правовых норм. «Враг народа» был превращен из идеологического противника в уголовника и всегда рассматривался как особо опасный преступник. Политические деяния расценивались как уголовные преступления.

Конституция 1936 г. формально сделала шаг от «революционной законности» к «социалистической демократии», но жестокая правовая практика подменила собой основной закон, а начавшаяся война отодвинула на дальний план разговоры о демократии. В начале 1930-х гг. в сельском хозяйстве, в 1939-1940 гг. – в промышленности утвердилось репрессивное трудовое законодательство. Сложилась система казарменной экономики, основанная на принудительном труде. С одной стороны, заключенные и спецпереселенцы стали серьезной хозяйственной силой, использование которой планировалось в масштабах страны. С другой, гражданское производство стало все более похожим на лагерь, а вольнонаемные рабочие – на заключенных. Срыв производственных планов в 1940-е гг. рассматривался как «контрреволюционное деяние», его виновники наказывались НКВД. Дела о «контрреволюционных высказываниях» еще с 1938 г. рассматривались в военных трибуналах.

Война и победа принесли лишь эпизодические послабления в репрессиях, вызванные неуверенностью «власть предержащих». После того, как испуг потери власти миновал, кнут снова обрушился на плечи народа. В конце 1940-х – начале 1950-х гг. репрессии достигли нового апогея – лагеря и спецпоселения переполнились так, как не было даже в 1937-1938 гг. Принцип «презумпции виновности» был перенесен с отдельных врагов и классов общества на целые народы, военный плен и угон в фашистскую неволю объявлены государственной изменой, появились каторга и вечная ссылка.

Аргументация «майора запаса», д.и.н. Д.В.Гаврилова вызывает решительные возражения. Во-первых, некорректно сравнивать государства, основанные на принципе разделения властей, с активно действующим парламентом и Верховным судом, даже в период чрезвычайного законодательства военного времени, с отлаженной диктаторской системой власти в СССР. Во-вторых, Великобритания, США, Канада, Франция проводили не депортации, а интернирование иностранцев и подозрительных граждан иностранного происхождения. В-третьих, фактов нелояльности депортируемых (кроме антисоветских высказываний) российских немцев у советского руководства не было^[20]. Приводя доказательства такого рода нелояльности, Д.В.Гаврилов ссылается на факты предательства военнослужащих советских немцев, попавших в плен к фашистам, забывая о преимущественно русском составе армии Власова. Если полагаться на такого рода факты, то следует идти дальше, задавая вопрос «А почему не арестовали и не депортировали всех Гавриловых, ведь среди власовцев людей с такой фамилией были сотни?». Самым «доказательным» аргументом для историка является такой «объективный источник», как Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28.08.1941 г., который должен был убедить всю страну в массовом предательстве немцев Поволжья. Разоблачать этот фальсифицированный партией большевиков документ сегодня практически не имеет

смысла, т.к. он дезавуирован самой советской властью еще в 1964 г., а история его фальсификации буквально «по косточкам» реконструирована историками (см., например, работы А.А.Германа, В.Ф.Дизендорфа и др.)^[21].

Д.В.Гаврилов считает, что сегодня с позиции концепции прав человека нельзя «оправдать массовые депортации народов», но в годы войны это действие было вполне оправданным. Тогда можно оправдать, например, геноцид фашистов по отношению к евреям, поскольку президент Всемирного еврейского конгресса Х.Вейцман объявил в свое время войну германскому фашизму и евреи стали врагами Германии. Возражая Дмитрию Гаврилову, по сути, следует акцентировать внимание на нарушении им принципа историзма. В его работе отсутствует должный глубокий исторический контекст, ограниченный только периодом войны. Ведь практика борьбы с собственным народом (а, следовательно, и репрессивная политика против российских немцев) была присуща советскому государству с момента его основания и особенно остро проявлялась в период 1917-начала 1950-х гг., а процесс реабилитации немецкого национального меньшинства состоялся только в 1990-х гг., да и то лишь частично.

Наиболее часто в работах, подобных статье Д.В.Гаврилова, приводится пример интернирования японцев в США. Поэтому, следует обозначить наиболее явные отличия обращения с ними по сравнению с российскими немцами. Во-первых, только 62% интернированных были гражданами США, да и гражданство ими получено относительно недавно. Советские же немцы проживали в России почти два века. Во-вторых, японцев предупредили об интернировании из 100-мильной зоны Западного побережья США и они могли сменить место жительства, избежав заключения в концлагерь, что и сделали первоначально 10 тыс. из 120 тыс. чел., переехав в другие районы страны. В 1942 г. в общей сложности в «зоны выселения» (exclusion zones) вошло около трети территории страны. Впоследствии около четверти интернированных выехало из лагерей, чтобы жить и работать в других районах США.

В-третьих, интернированные могли обращаться в суд с просьбой о рассмотрении их дел. Одно из таких обращений привело к освобождению японки Мицуи Эндо. В-четвертых, спартанские условия проживания в концлагерях не нарушали международного законодательства, хотя и оставляли желать лучшего. Многие лагеря были быстро построены гражданскими подрядчиками в 1942 году по образцу военных барачков, что делало эти лагеря малопригодными для скученного семейного проживания. Интернированным обычно позволялось оставаться со своими семьями и с ними нормально общались, пока они не нарушали правила. Охранники стреляли в интернированных, которые пытались выйти за ограждения. Таких случаев насчитывается всего пять-семь. Интернированные в лагерях не были обязаны подневольно трудиться.

В-пятых, сразу же после окончания войны, 02.01.1945 года были отменены военные законы по выселению. Интернированные начали возвращаться в свои дома, хотя лагеря оставались открытыми для тех, кто ещё не готов был их покинуть. Освобождаемые получили по 25 долларов и билет на проезд. Последний лагерь был закрыт в 1946 году. В 1948 г. интернированным была выплачена частичная компенсация за потерю собственности. Правда полная реабилитация интернированных неоправданно затянулась. Только в 1976 г. президент Д.Форд признал, что интернирование было «неправильным». А в 1983 году в Конгрессе была создана Комиссия по перемещению и интернированию гражданских лиц в военное время, которая 24.02.1983г. представила доклад, где интернирование было названо «незаконным и вызванным расизмом, а не военной необходимостью». В 1988 г. президент Р. Рейган признал, что не было выявлено ни одного случая шпионажа или подрывной деятельности со стороны американских японцев. Он подписал указ, в соответствии с которым каждому содержавшемуся под стражей выплачивалась компенсация в размере 20 тысяч долларов на общую сумму в 1,2 млрд. долларов. 27.09.1992 г. на выплату компенсаций было дополнительно выделено еще 400 млн. долларов^[22].

Яростные антиамериканцы выражают свои мысли еще более простым способом. Так некий М.Акимов пишет: «Американские власти устроили-таки депортацию японцев из Калифорнии, причем проведена она была более жестокими и циничными методами, чем сталинские депортации из прифронтовой полосы.

Любопытным моментом является тот факт, что хотя от сталинского принудительного переселения перемещенные народы, конечно же, пострадали, но вместе с тем, они были удалены от фронта боевых действий, что, разумеется, спасло часть жизней. Так что, в вопросе советских депортаций не всё так однозначно, а вот относительно насильственного перемещения японцев в США, всё, увы, слишком однозначно и нелицеприятно, нелестно для Америки. Это позорная страница истории Соединенных Штатов, это настоящее преступление режима». Автор продолжает «бичевать империалистов США»: «...объективные факты истории свидетельствуют о том, что сталинский режим повел себя более мягко и адекватно, чем «демократический режим» Вашингтона ...вашингтонский режим действительно совершил преступление, а сталинская власть не перешла грань, осуществляя вынужденные меры, лишь ради обеспечения государственной безопасности, причем делая это и в интересах самих перемещенных народов, ведь их удалили не с благодатной калифорнийской земли, а вывезли с края огненного котла, от военных фронтов, от бомбежек»^[23].

Все, кто хорошо знает обстоятельства депортации советских немцев, принудительной трудовой мобилизации, спецпоселения, затянувшегося до сер. 1950-х гг. и незаконченной реабилитации, понимают зыбкость и ложность аргументов упомянутых авторов.

^[1] **Интернирование** (лат. *internus* — «внутренний», «местный») — принудительное задержание, переселение или иное ограничение свободы передвижения, устанавливаемое одной воюющей стороной для находящихся на её территории граждан другой воюющей стороны или для граждан другой воюющей стороны, находящихся на оккупированной первой воюющей стороной территории, или нейтральным государством для военнослужащих воюющих сторон. В некоторых случаях интернированием называется лишение свободы или переселение государством своих граждан, считающихся неблагонадежными (обычно — во время войн).

^[2] **Депортация** (лат. *deportatio* — изгнание, высылка) — принудительная высылка лица или целой категории лиц в другое государство или другую местность, обычно — под конвоем.

^[3] **Репатриация** (от лат. *repatriate*) — возвращение на родину. Термин обычно употребляется в отношении военнопленных, перемещённых лиц, беженцев, эмигрантов с восстановлением в правах гражданства или возвращение в страну проживания.

^[4] Деннингхаус, В. Политбюро ЦК ВКП (б) и «профилактические» депортации нацменьшинств Запада в 1930-е гг. [Текст] / В. Деннингхаус // Начальный период Великой Отечественной войны и депортация российских немцев: взгляды и оценки через 70 лет: Материалы 3-й международной научно-практической конференции. Саратов, 26-28 августа 2011 г. - М.: «МСНК-пресс», 2011. – С.97, 98

^[5] Кириллов, В.М. Историческая память и самосознание российских немцев (по материалам источников личного происхождения) [Текст] / В.М. Кириллов //Гражданская идентичность и внутренний мир российских немцев в годы Великой Отечественной войны и в исторической памяти потомков: материалы XIII международной научной конференции. Москва, 21-23 октября 2010 г. - М.: «МСНК-пресс», 2011. - С.345, 346

^[6] Ефремова-Шершукова, Н.А. Депортация немцев на территорию Казахской ССР: причины и механизм проведения [Текст] / Н.А. Ефремова-Шершукова //Там же. - С.866, 875

^[7] Шадт, А.А. Этническое самосознание российских немцев в условиях спецпоселения (1940-1950-е годы) [Текст] /А.А. Шадт// Ключевые проблемы истории и культуры российских немцев: материалы 10-ой международной научной конференции, Москва, 18-21 ноября, 2003. - М., ЗАО МСНК-пресс, 2004. – С.123-124

^[8] Немцы: 250 лет в России [Текст] / Н.Ф. Бугай, В.Ф. Дизендорф В.Ф., Т.С. Иларионова, Ю.А. Петров, В.Г. Чеботарева. - Том. 1.- М.: Гриф и К, 2012. – С.60, 235

^[9] Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930-1960/В.Н.Земсков; Ин-т рос. истории.- М.: Наука, 2003. С.284.

^[10] Смирнова Т.Б. Немцы Сибири: этнические процессы. Омск, 2002. С.144.

- [11] Чеботарева В.Г. Государственная национальная политика в Республике немцев Поволжья. 1918-1941. М.: ОАРН, 1999. – С.315, 413.
- [12] Барбашина Э.Р. Практическое значение научных исследований проблем российских немцев как самостоятельная тема/ Ключевые проблемы истории и культуры российских немцев. Материалы 10-ой международной научной конференции, Москва, 18-21 ноября, 2003. М., ЗАО МСНК-пресс, 2004. – С.40-43
- [13] Герман А.А. История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. – 2—е изд. – М.: Готика, 2000. С.23, 24
- [14] Герман А.А. «В отношении немецкого населения в СССР осуществлялся геноцид»: об обоснованности и корректности данного утверждения/ Ключевые проблемы истории и культуры российских немцев. Материалы 10-ой международной научной конференции, Москва, 18-21 ноября, 2003. М., ЗАО МСНК-пресс, 2004. С.90-96 ; История немцев России: Учебное пособие. – М.: Издательство «МСНК-пресс», 2005. – С.423, 431, 439, 483.
- [15] Гамм Г. О некоторых стереотипах сложившихся в российско-немецкой публицистике по теме «Российские немцы в годы Великой Отечественной войны»/ Гражданская идентичность и внутренний мир российских немцев в годы Великой Отечественной войны и в исторической памяти потомков: Материалы XIII международной научной конференции. Москва, 21-23 октября 2010 г. М.: «МСНК-пресс», 2011. С.367, 370-371, 374, 379
- [16] Вдовин А.И. Национальная политика в СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны: мифы и реалии/ Начальный период Великой Отечественной войны и депортация российских немцев: взгляды и оценки через 70 лет: Материалы 3-й международной научно-практической конференции. Саратов, 26-28 августа 2011 г. М.: «МСНК-пресс», 2011. С.61.
- [17] Белковец Л. П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941-1945 гг.: Историко-правовое исследование. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. С.99-111.
- [18] Шадт А.А. Правовой статус российских немцев в СССР (1940-1950-е гг.). /Немцы России и СССР: 1901-1941 гг. Материалы международной научной конференции. Москва, 17-19 сентября 1999 г. [6-я конференция]. М.: МСНК, Готика, 2000.- С. 295, 308, 309.
- [19] Гаврилов Д.В. Двойные стандарты в оценке внутренней политики стран антигитлеровской коалиции в годы Второй мировой войны [Электронный ресурс] Режим доступа: history.milportal.ru/2012/02/voenno-istoricheskij-zhurnal-1-2012-g. Дата обращения: 14.07.2014
- [20] В ходе обсуждения доклада на конференции А.Герман и А.Савин напомнили о том, что в СССР российские немцы заслужили репутацию «нелояльного власти народа» (своим поведением во время эмиграционных кампаний конца 20-х – нач. 30-х гг., настойчивой верой в религиозные ценности и принцип частной собственности, сопротивлением коллективизации и т.п.). Однако в обстановке перманентной гражданской («классовой») войны партии Сталина с народом такая же репутация была у всех противников диктатуры, составлявших значительную часть населения страны. Поэтому не стоит, на мой взгляд, настаивать на особом статусе «нелояльности» именно немецкого национального меньшинства.
- [21] Герман, А.А. Депортация немецкого населения из Саратова, Саратовской и Сталинградской областей [Текст]/А.А. Герман// Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. Материалы международной научной конференции. Анапа, 26-30 сентября 1997 г. - М., «Готика», 1998. – С.279,281
- [22] Интернирование японцев в США. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/w/index.php?title=Интернирование_японцев_в_США&oldid=62286290. Дата обращения: 12.08.2014.
- [23] Акимов М. Насильственные депортации народов в США [Электронный ресурс]. Режим доступа: maxim-akimov.livejournal.com/348714.html. Дата обращения: 12.08.2014.